

«Трудовая революция» в уголовно-исполнительной системе: очередной миф или настоятельная необходимость?

О.А. ПОГУДИН, кандидат экономических наук, Академия ФСИН России, Рязань. E-mail: pogudinoa@mail.ru

Привлечение осужденных к производительному труду актуально на протяжении всего постсоветского периода. Не менее острая ситуация с «копеечными» зарплатами осужденных является одной из причин для социальных конфликтов между ними и администрацией исправительных учреждений. Автором излагается критическая позиция по поводу провозглашенного уголовно-исполнительной системой курса на так называемую «трудовую революцию» – пересмотр арестантам тарифного заработка вне связи с результатами их труда, в условиях, когда интеграция УИС в национальную экономику фактически отсутствует, а сами осужденные освобождены от участия в формировании общественно значимых материальных благ.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, труд осужденных, заработная плата осужденных, добавленная стоимость, «трудовая революция» в уголовно-исполнительной системе

«Напрасно радуете о мундире. Право каждого определять свою позицию, вне зависимости от профессии».

Ю. Семенов,
известный советский писатель, журналист [1]

Происходящие в обществе социально-экономические процессы непосредственно проявляются в деятельности уголовно-исполнительной системы (УИС). Еще недавно наблюдавшаяся эйфория по поводу Концепции ее реформирования до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 14.10.2010 г. № 1772-р.) разрушается под воздействием фактов, указывающих на необоснованность предлагаемых реформ и появление в УИС множества дополнительных «болевых точек». Среди них – фактическое обесценивание денежного довольствия «тюремного» персонала и экономия расходов на его содержание. Так, до Федеральной службы исполнения наказаний (ФСИН России) на 2015 г. доведено финансирование в размере 228 млрд руб. (годом раньше – 274 млрд руб.). Несмотря на бравурные отчеты о результатах своей деятельности, средства, закладываемые в федеральный бюджет

на цели ФСИН России, сопоставимые с расходами на здравоохранение, сельское хозяйство и транспорт, по мнению ряда исследователей [2] и аудиторов Счетной палаты, расходуются службой неэффективно и неправомерно. В частности, зря израсходованной ФСИН была названа сумма 658 млн руб. на перепрофилирование в 2011–2013 гг. шести воспитательных колоний для несовершеннолетних в воспитательные центры. Еще 928,8 млн руб. на реконструкцию шести воспитательных колоний также было потрачено безрезультатно. По заявлению председателя комитета по безопасности Госдумы И. Яровой, «возможно, нужно ставить вопрос о пересмотре бюджета, чтобы не давать ФСИН оставшиеся деньги на такую произвольную растрату» [3].

Не преодолен устойчивый рост рецидивной преступности (в составе осужденных заметно не уменьшается доля ранее судимых), абсолютное большинство из них не привлечено к оплачиваемому производительному труду. Очевидные недостатки в деятельности ведомства можно перечислять очень долго, мы же остановимся на одном из ключевых вопросов – использовании труда заключенных.

Производственный комплекс ФСИН: краткая характеристика

К сожалению, обескровленный дефицитом инвестиций в собственную модернизацию и являющийся объектом неоднократных организационных трансформаций некогда мощный промышленный комплекс УИС в настоящее время фактически перестал существовать, хотя отдельные его составляющие пока сохраняют работоспособность за счет изготовления нетехнологичной и неконкурентоспособной продукции, преимущественно для внутрисистемного потребления [4].

Очередные попытки нового руководства ФСИН интегрировать «производительные силы УИС» в радикально не меняющуюся отечественную экспортно-сырьевую экономику, «превратить тюремные производства в бизнес» [5], вряд ли способны стать успешными. Привлекательными они сегодня могут быть не столько для стороннего бизнеса, сколько для самих чиновников ФСИН, которые уже озвучивали собственные прожекты о создании «казенных домов» за счет частных инвесторов. К тому же катастрофический износ фондов, квалификация и численность занятого в исправительных учреждениях гражданского персона-

ла, архаика в организации рабочих процессов и рабочих мест, а порой – элементарная бесхозяйственность [6], свойственная большинству «бизнес-процессов», реализуемых в УИС, – явно не те социально-экономические характеристики производства, которые позволили бы ему претендовать на высокую капиталотдачу и рентабельность.

Так, на нехватку хорошего современного менеджмента, позволяющего организовать производство с доходами для самой системы, результатами в деле перевоспитания спецконтингента и возмещения вреда потерпевшим, открыто сетовал глава Минюста РФ А. Коновалов еще в 2009 г. на научно-практической конференции по вопросам реформирования УИС. Ныне его точку зрения развивают правозащитники, указывающие на несвойственность ФСИН такой функции, как организация производства. По их мнению, следует «позволить предпринимателям организовывать производства за решеткой... однако пока в самих колониях процветает коррупция, вряд ли уважающий себя бизнесмен задумается об этом...» [7].

В этом смысле всерьез ожидать беспроблемной в технико-технологическом отношении работы «тюремных предприятий» в режиме свободного предпринимательства равнозначно тому, чтобы надеяться на успешное лечение сельских жителей врачами по скайпу (как это делает Минздрав).

Зачем осужденному заработная плата и сколько она «весит»

Пресса и правозащитные организации постоянно и справедливо поднимают вопросы, касающиеся содержания, условий и безопасности труда работающих осужденных, их заработной платы, а в целом – состояния социально-трудовых отношений в местах лишения свободы и действий (либо бездействий) администрации конкретных исправительных учреждений по их совершенствованию. Так, противодействие одной из участниц скандально известной группы Pussy Riot «нечеловеческим условиям труда в мордовской колонии ИК-14» [8], где она отбывала наказание, и «копеечным» заработкам осужденных на швейном производстве, как известно, получило соответствующий отклик: ФСИН выразила готовность «в скором времени поменять систему оплаты труда в подведомственных учреждениях» [9]. Признание

«неправильности ситуации, когда осужденный получает зарплату не больше МРОТ» [9], породило подхваченные СМИ официальные заверения представителей УИС о «начале работы по пересмотру трудовых нормативов и начислению занятым трудом арестантам зарплаты по новым (более высоким) тарифам» [10].

Конечно, проблемы заработной платы осужденных давно перешли в категорию не только социально значимых, но и откровенно злободневных. Полноценная материальная компенсация причиненного ущерба, выполнение исковых и алиментных обязательств – вполне естественные и необходимые требования цивилизованного социума по отношению к гражданам, преступившим закон. Из заработка работающих осужденных удерживаются расходы по их содержанию в исправительном учреждении, которые, наряду с налогом на доходы физических лиц, возвращаются в федеральный бюджет (по нынешнему уголовно-исполнительному закону на лицевой счет работающему осужденному после всех обязательных удержаний зачисляется не менее 25% его заработной платы). Заработная плата – не только показатель трудовой активности, профессиональной принадлежности или уровня квалификации заключенных. Это источник их пенсионного обеспечения, а также ключевой фактор, определяющий перспективы условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы.

Однако доведенные до общественности цифры удручают. Реальное наполнение денежных доходов привлекаемых к труду «сидельцев» близко к нулю. За первое полугодие 2013 г. зарплата лиц, отработавших без потерь рабочего времени и полностью выполнивших производственное задание, составила в Челябинской области – 2700 руб., в Мурманской – 3200, в Ростовской области и Ставропольском крае – по 3900 руб. В учреждении города Копейска, где в ноябре 2012 г. произошло массовое неповиновение, осужденные получали от 6 до 20 руб. в месяц. В 2012 г. в Воронежской области среднемесячная зарплата занятых оплачиваемым трудом осужденных составила 2800 руб., в Калужской, Рязанской, Белгородской областях – 3500–3600 руб. От 4500 до 4700 руб. зарабатывали арестанты, отбывающие наказание в учреждениях УИС Тамбовской, Орловской, Московской и Курской областей.

В 22 регионах страны вывод на оплачиваемые работы не превысил 20%, а в 19 территориальных органах УИС –

снизился процент выполнения осужденными норм выработки. Производительность труда арестантов в исправительных учреждениях республик Башкортостан, Бурятия, Алтайского края, Астраханской, Вологодской, Еврейской автономной, Курганской, Пензенской областей – ниже в 1,3–1,5 раза, чем в среднем по УИС, а в ряде регионов (Амурская и Сахалинская области) – в два раза и более. В учреждениях 17 территориальных органов (республик Алтай, Башкортостан, Карелия, Астраханской, Вологодской, Кировской, Рязанской, Тульской, Тюменской и других областей) более 60% численности осужденных получали заработную плату ниже половины МРОТ. Сменность работы осужденных в среднем по УИС меньше единицы, а во многих регионах (Краснодарский и Ставропольский края, Калужская, Липецкая, Мурманская, Нижегородская, Рязанская, Смоленская области) – от 0,2 до 0,8 [11].

Общественные наблюдательные комиссии по осуществлению контроля над обеспечением прав человека в местах лишения свободы преимущественно усматривают в этом нарушения и недостатки в деятельности администраций исправительных учреждений по регулированию отношений, связанных с привлечением осужденных к труду (упоминаются различающиеся на местах позиции, касающиеся необходимости и обоснованности заключения с осужденными трудовых договоров; подчеркивается почти повсеместное ограничение их заработка размером МРОТ при очевидной его диспропорции у осужденных, занятых на производстве и в хозяйственном обслуживании объектов ИУ, а «тюремному» персоналу ставится в вину неверный учет рабочего времени для начисления пенсии либо искажаемый экономический смысл нормирования труда). Похожих узконаправленных взглядов, дающих почву для громких заявлений о необходимости повышения осужденным норм зарплатообразования вне связи с реальной организацией и производительностью их труда, придерживаются и официальные лица ФСИН, смело полагающие, что «он (осужденный. – *О.П.*) ничем не отличается от обычного рабочего» [9].

Такое сравнение, однако, весьма условно. Качество рабочей силы нынешних российских заключенных в совокупности с отсутствием у многих из них желания трудиться, мягко говоря, оставляет желать лучшего, особенно на фоне сильно пострадавшей за годы либеральных рыночных реформ, но в прошлом неплохо функционировавшей системы профессионально-технического обу-

чения и профподготовки этих лиц в учреждениях УИС. А малоквалифицированный и непродуктивный труд никогда не обеспечивал высоких доходов. *Поэтому известный уже тезис о принятии мер, способствующих росту зарплаты даже при одновременном уменьшении арестантам норм производительности, названный «трудовой революцией в ФСИН» [10,12,13], на наш взгляд, явно популистский, к тому же, по сути, заведомо неверный.* О том, что никакой «трудовой революции в тюрьмах» в ближайшее время не произойдет, и перспективы роста благосостояния российских заключенных – всего лишь очередной миф, рожденный как СМИ, так и самими «революционерами от УИС», нетрудно убедиться, опираясь на несложные рассуждения аналитически-оценочного и теоретического характера.

Начать, конечно же, следует с «лежащих на поверхности» цифр, в первую очередь, позволяющих понять то, действительно ли в «тюремном ведомстве» сформировалась так называемая «революционная ситуация» – необходимое условие для коренных изменений реализуемой в его рамках абсолютно неэффективной социально-экономической политики. Главные, на первый взгляд, среди них те, которые характеризуют среднемесячную выработку, заработную плату и соотношения между ними.

Следует признать, что какой-либо значимой динамики отмеченных выше показателей за 2010–2014 гг. не наблюдается (таблица). Выработка в условно-натуральных единицах выросла лишь на 10%, а зарплата осталась неизменной. Только в 2011 г. трудовые доходы осужденных в реальном исчислении превысили 2300 руб., хотя в 2014 г. по сравнению с 2010 г. они номинально увеличились почти на треть (до 3029 руб.). Между тем предписания руководства ФСИН поднять зарплаток осужденным с формальной точки зрения не могли не повлиять на статистику после 2010–2013 гг. Правда, степень такого влияния оказалась «адекватной» подобного рода предписаниям. Действительно, прирост реальной заработной платы в 2014 г. составил 6,3%, а производительности труда – 5,5%. Очевидный дисбаланс на практике явно не критичен из-за мизерных значений как производительности, так и самого заработка. Между тем он обеспечил увеличение доли заработной платы в денежной выручке: в 2013 г. она была 16,5%, а в 2014 г. – 17,5%.

**Основные показатели трудовой занятости осужденных,
отбывающих наказание в учреждениях УИС России,**

в 2010–2014 гг.

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014
Объем товарной продукции (работ, услуг), изготовленной в учреждениях УИС, в ценах соответствующего временного периода, млрд руб.	22,80	29,60	28,60	29,31	32,58
То же, с учетом индексов цен производителей промышленных товаров по отношению к 2010 г., млрд руб.	22,80	26,43	24,29	24,01	25,20
Численность осужденных, содержащихся в учреждениях УИС, тыс. чел.	710,0	664,9	606,2	605,0	554,9
Из них привлекаемых к оплачиваемому труду на производственных объектах УИС, тыс. чел.	156,3	158,4	158,8	157,8	157,2
То же, % от их общей численности	22,0	23,8	26,2	26,1	28,3
Среднемесячная начисленная (номинальная) заработная плата осужденных, руб.	2281	2478	2543	2559	3029
Среднемесячная заработная плата осужденных, скорректированная на индексы цен на товары и услуги, по отношению к 2010 г., руб.	2281	2336	2249	2125	2257
Объем товарной продукции в среднем на одного занятого трудом осужденного, тыс. руб./чел.: в год	145,9	186,9	180,1	185,7	207,3
в месяц	12,2	15,6	15,0	15,5	17,3
в месяц в сопоставимых ценах по отношению к 2010 г.	12,2	13,9	12,8	12,7	13,4
Зарплатоемкость выпускаемой в УИС продукции (отношение среднемесячной номинальной зарплаты осужденных к их среднемесячной выработке), руб./руб.	0,187	0,159	0,169	0,165	0,175
Затраты на 1 руб. товарной продукции, руб./руб.	0,952	0,951	0,940	0,949	0,945
Совокупный годовой фонд оплаты труда осужденных, млн руб.		4710,2			
То же, с учетом 30%-го начисления на него, млрд руб.	5,56	6,12	6,30	6,30	7,43
Прибыль (превышение доходов над расходами) производственного сектора УИС от реализации товарной продукции (работ, услуг), млрд руб.	1,09	1,46	1,72	1,49	1,79
Величина добавленной стоимости, созданной трудом осужденных (фонд оплаты труда с начислениями плюс прибыль), млрд руб.	6,65	7,58	8,02	7,79	9,22
Доля зарплаты осужденных с начислением в добавленной стоимости, %	83,6	80,7	78,6	80,9	80,6
Рентабельность труда (затрат на оплату труда) осужденных, ед.	0,196	0,238	0,273	0,237	0,241

Источник: [14]; официальная статистика ФСИН России, расчеты автора.

Смысл представленных в таблице цифр становится яснее, когда принимаешь во внимание обратный показатель, называемый

зарплатоотдачей. В 2011 и 2013 гг. он превысил отметку в 6 руб., фиксируя, что один рубль, направленный на зарплату осужденных, соответствовал денежному выражению произведенных ими материальных благ на ту же самую сумму. Незачем говорить, что он в разы меньше, чем у законопослушных наемных тружеников. Так, например, по нашим данным, в 2011 г. зарплатоотдача у лиц, отбывающих уголовное наказание в регионах Центрального федерального округа, варьировалась от 2,0 до 6,7 руб. (в 2012 г. – от 1,6 до 4,8 руб.), а у работников гражданских металлообрабатывающих предприятий, расположенных в тех же регионах, – от 3,5 до 17,4 руб.

Оперируя подобными оценками, легко заметить очевидное и очень существенное отставание (в 10, 20 и более раз) производительности труда арестантов от персонала хозяйственных организаций. А используя официальные данные Росстата о среднемесячной номинальной заработной плате в экономике, – и разницу в получаемых ими доходах. В частности, за четыре года расхождение в зарплате работников по приговору и свободному трудовому найму только усиливалось: с девяти раз в 2010 г. до 11,6 – в 2013 г.

Данная ситуация, безусловно, дает повод как минимум задуматься о том, что такое заработная плата, откуда она берется, в чьих руках находится и откуда поступает? И почему «ведомственные представления», на почве которых и формируются отмеченные выше заявления, до сих пор остаются заведомо искаженными и деформированными?

Почему не происходит «трудовая революция»?

В рамках настоящей статьи не будем останавливаться на «азбучных» истинах, прямо связанных с тем, что аккумулирует в себе понятие заработной платы. Все они известны специалистам в сфере социально-трудовых отношений, изложены в учебниках по экономической теории и экономике труда. (Обратим внимание на то, что определение заработной платы в научной литературе следует отличать от ее юридического определения, содержащегося в Трудовом кодексе РФ (ст. 129) и трактующего ее как вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работников, сложности, качества и условий выполнения работы в совокупности с компенсационными и стимулирующими выплатами.)

Наиболее специфичные и дискуссионные вопросы, касающиеся социально-трудовой составляющей отечественной экономики, находят отражение на страницах научно-практических изданий. Поэтому ниже мы остановимся лишь на очевидных для нас теоретических положениях, тезисах и постулатах.

Во-первых, прибегая к терминам экономической классики¹, необходимо напомнить, что зарплата в первую очередь является частью вновь созданной стоимости (добавленной стоимости), в обиходе называемой также товарной массой, товарным покрытием. «Добавленная стоимость – наиболее обоснованный показатель результата деятельности предприятия как экономической системы, который характеризует значимость произведенной им продукции, ее ценность и полезность для стороннего потребителя (рынка)»². Товаром продукт становится тогда, когда, обладая стоимостью, находит на рынке спрос и приобретает покупателем, превращаясь при этом в новую стоимость. Именно это дает основание отождествлять добавленную стоимость с товарной массой. Чем больше создано стоимостей (или выше объем товарного покрытия), тем, очевидно, больше заработная плата тех, кто их создает. Иначе говоря, больше совокупная сумма средств, направляемых на оплату всех групп персонала, участвующих в производстве товаров и услуг, и распределяемая между ними по определенным принятым в организации правилам

¹ «Неоклассический синтез» – преобладающее в мире и России направление экономической теории – не может директивно занижать значимость основанной А. Смитом трудовой парадигмы, получившей в последнее время заметные импульсы актуализации. Опыт прошедших десятилетий свидетельствует о кардинальном повышении роли труда, который позволил странам, не располагающим существенными природными ресурсами, добиться впечатляющих результатов в своем развитии. Зная века тому назад, что рост цен без роста добавленной стоимости увеличивает только инфляцию и фиктивный капитал, А. Смит в своем «Богатстве народа» справедливо считал заработную плату продуктом труда, естественным вознаграждением за него.

² По мнению Б. М. Генкина [15], используемый в литературе термин «добавленная стоимость» было бы целесообразно изменить на «добавленная ценность». Между тем в традиционной отечественной трактовке величина добавленной стоимости называется чистым продуктом и включает в себя зарплату с начислениями и прибыль [16]. Проблемы с терминологией, видимо, идут от двусмысленного перевода терминов «wert», «value» на русский язык. В одном случае использовали слово «ценность», в другом – «стоимость». Аналогичной позиции придерживается и цитируемый нами проф. Б. М. Генкин, отмечавший в той же работе, что английскому термину «value added» и немецкому «Mehrwert» в русском языке соответствует термин «добавленная ценность».

и методикам (по тарифным ставкам и должностным окладам либо по долям и коэффициентам).

Как ни банально это звучит, но основополагающим источником роста заработной платы осужденных является их участие в создании как можно большего количества материальных благ. *Чтобы их заработок был значительно весомей, им следует наращивать производство добавленной стоимости, естественно, увеличивая выпуск и расширяя ассортимент товарного покрытия, при сокращении материальных издержек*³. Исходя же из нынешнего положения дел в экономике УИС (см. таблицу), «светлое материальное завтра» для российских арестантов именно завтра вряд ли наступит. Одной лишь инерции «производительных сил», приобретенной за прошедшие годы (включая период 2010–2014 гг.), равно как и горячего желания чиновников ФСИН, для этого совершенно недостаточно.

Во-вторых, будучи частью добавленной стоимости, зарплата, как важнейшая экономическая категория, выражает отношения между наемным персоналом и собственниками рабочих мест по поводу доли работников в ней. Другая часть, выступающая в роли прибавочного продукта или прибыли, принадлежит работодателю – «капиталисту», и, собственно, государству. Доля государства часто зафиксирована в законах и меняется довольно редко, а между персоналом и собственниками постоянно идет борьба. Каждая из сторон (участники социально-трудовых отношений) преследует в ней личный интерес: работодатели стремятся удешевить рабочую силу (снизить расходы на персонал), а работники – повысить ее цену. Фактически это борьба между

³ И, следовательно, повышать рентабельность своего труда, которая, по словам одного из авторитетных советских экономистов В. В. Новожилова, «показывает, в каком отношении находится то, что труд дает обществу, к тому, что он получает». Упомянутый показатель, устанавливаемый отношением разности добавленной стоимости (ценности) и затрат на персонал к затратам на персонал, в условиях рынка правильно называть рентабельностью затрат на оплату труда работников организации, или рентабельностью суммарных затрат на персонал [15. С. 162]. Рентабельность труда (затрат на оплату труда) осужденных в период 2010–2014 гг. приведена в таблице. Значение данного показателя положительное, но меньше единицы. Хотя трудовую деятельность осужденных формально и можно считать рентабельной, но обществу они дают, очевидно, меньше того, что сами приобретают от общества. Например, в 2014 г. – 1,79 млрд руб. против 7,43 млрд руб.

работниками и работодателями за долю каждой из сторон в добавленной стоимости, создаваемой в хозяйственной структуре⁴.

Ее итог – взаимные уступки и обязательства, принимаемые формы коллективных трудовых договоров, тарифных и отраслевых соглашений, пересматриваемых в эффективных компаниях едва ли не ежегодно. На практике, таким образом, сложившиеся пропорции постоянно пересматриваются, но главное очевидно и однозначно: увеличение доли наемных работников в сумме постоянной вновь созданной стоимости способствует, с одной стороны, росту их совокупного заработка, а с другой – снижению принадлежащей работодателю части прибыли. Важный для экономического анализа показатель, именуемый долей заработной платы в добавленной стоимости, становится тем выше, чем больше размер заработка.

Озвученный тезис принципиально применим и к субъектам социально-трудовых отношений, где работодателем, в сущности, выступает администрация исправительного учреждения, а работником – привлекаемый к оплачиваемому труду отбывающий наказание преступник (несмотря на то, что никаких договоров и соглашений между ними в большинстве случаев пока официально не предусмотрено). В российской УИС удельный вес зарплатного фонда осужденных в созданной производственным сектором добавленной стоимости доходит до 80–83% (см. таблицу), что позволяет сформулировать весьма существенный вывод. *В нынешних условиях якобы необоснованно заниженные доходы занятых на производстве в исправительных учреждениях осужденных как раз, согласно макроэкономической логике, занижены «по всем правилам», адекватно падению по сравнению с советским периодом общественной значимости изготавливаемых ими продуктов и услуг, а также спроса на результаты их труда. Следовательно, ресурс роста зарплаты работающих арестантов в этой ситуации принципиально ограничен, вне связи с тем, какой механизм ее организации будет доминировать в дальнейшем.* Поэтому нельзя не видеть, что современные

⁴ То же самое подчеркивал А. Смит, констатируя, что «размер обычной заработной платы зависит повсюду от договора между ... сторонами, интересы которых отнюдь не тождественны. Рабочие хотят получать возможно больше, а хозяева хотят давать возможно меньше. Первые стараются сговориться для того, чтобы поднять заработную плату, последние же – чтобы ее понизить. Нетрудно, однако, предвидеть, какая из этих двух сторон должна при обычных условиях иметь преимущество в этом споре и вынудить другую сторону подчиниться своим условиям...» [17].

проблемы, связанные с зарплатообразованием осужденных, – не только и не столько в мизерных значениях самой зарплаты и жесткой привязке ее к величине МРОТ.

Любая реорганизация в деле начисления им заработка (или распределения средств, направляемых на заработную плату и производных от созданной ими добавленной стоимости) при ограниченных размерах самого источника денежных выплат заведомо контрпродуктивна. В течение всего постсоветского периода УИС, как правило, вынуждена была «утяжелять» другую «чашу весов», всегда обремененную налогами, финансовыми обязательствами, едва ли не постоянным с середины 1990-х гг. восполнением бюджетной сметы по недостающим статьям расходов. И, кроме того, возлагаемой на администрацию этих учреждений дополнительной социальной нагрузкой, вкупе с необходимыми, но абсолютно не достаточными отчислениями на производственные нужды.

При первичности подобного рода расходов пенитенциарная система тем не менее объективно не могла располагать весомыми средствами из прибыли ни для восполнения «вечного» дефицита оборотных активов, ни для поддержания «на плаву» собственного производства.

Все сказанное сделало труд российских осужденных дешевым «по определению». Дешевым не в качестве фактора конкурентоспособности экономики УИС, о чем неутомимо вещают ведомственные «специалисты», а в качестве неперемennого условия, способствующего ее дальнейшей деградации. И защитникам прав отбывающих наказание лиц, и им самим следовало бы понять, что основной фактор, генерирующий дешевизну находящейся за «решеткой» рабочей силы, – не в инертности или предвзятости «тюремного» персонала по отношению к заключенным. *Причина в том, что, в сущности, очень мало технически совершенного, высококачественного и общественно значимого осужденные способны произвести и производят сегодня в местах лишения свободы. Согласно закону стоимости, они ее фактически не создают.* Как верно в этой связи заметил И. Чернышов, «эволюционная спираль раскручивается в сторону ослабления вовлечения осужденных в трудовую жизнь страны ...» [2]. А при отсутствии оформленных целей результативного трудоустройства данных лиц с учетом роста затрат на их содержание истинный

смысл пенитенциарной реформы видится уже не в совершении «трудовой революции в тюрьме» и повышении общественной выработки заключенных, а в снижении численности «тюремного населения».

Кроме того, нынешняя низкая цена рабочей силы может сделать экономически недостижимыми любые усилия сторонних «бизнесменов» по замещению маломеханизированного, почти нерентабельного труда осужденных трудом технологичным, продуктивным, высококачественным. Думается, что многие из них также не готовы рисковать имиджем своих компаний в случае использования принудительного труда «сидельцев», да и сами «тюремные» производства в основном удалены от центров экономического развития.

Поэтому серьезный предпринимательский капитал вряд ли сможет реально взяться за «оживление» промышленного сектора УИС, за что радеют чиновники ФСИН. А это означает, что одним лишь популистским лозунгом о скором пересмотре зарплаты «революционную ситуацию» в социально-экономической сфере «тюремной» системы, без наличия у этой системы мощного и монолитного экономического базиса, сегодня явно не создать.

А что в дальнейшем?

Разумеется, мы далеки от мысли канонизировать советский опыт производственно-хозяйственной деятельности исправительно-трудовых учреждений. Не являемся и сторонниками тех, кто взывает к реставрации прошлой модели государственно-бюрократического управления, которая усиленно питала экономику страны дополнительной рабочей силой из числа заключенных. И уж тем более не радеем за возрождение еще не забытого многими карательного ведомства с возложением на него хозяйственных задач – от строительства отдельных домов и рытья каналов до возведения огромных комбинатов вроде «Норильского никеля». В то же время нельзя игнорировать тот неоспоримый факт, что нынешнее состояние системы исполнения наказаний, на наш взгляд, и по самой сути своей экономически недееспособной – далеко не тот целевой ориентир, к которому нужно было стремиться в течение всех перманентных реформаций предыдущего двадцатилетия. Российская УИС сегодня напрямую проигрывает своей поздней советской предшественнице по использованию

возможностей осужденных, по тому, насколько государством востребованы результаты их труда.

Поскольку зависимость результатов производственно-хозяйственной деятельности УИС от состояния общественных и экономических отношений в стране (и в бывшем СССР, и в современной России) представляется аксиоматичной [4], постольку прогноз о возможном наращивании этих результатов основывается на перспективах совершенствования и развития данных отношений. В экономическом аспекте – это непреходящий уход страны с «нефтяной иглы» и ее «переориентация на внутренние целиком неоиндустриальные источники и цепочки производства добавленной стоимости... соединение воедино промежуточного производства с конечным» [18].

Подобное резюме исходит из известного положения о том, что частные вопросы неразрешимы без решения общего. А общим, системным, коренным вопросом выступает преодоление дезинтеграции добывающей и обрабатывающей индустрии, модернизация отечественной экономики и формирование сильной государственной промышленной политики [19].

Безоговорочно разделяя развернутое концептуальное обоснование «формулы неоиндустриального развития страны, предметно обсуждаемой на протяжении 2008–2010 гг. и научно неоспоримой» [20], мы также убеждены, что без «формирования межотраслевых корпораций, объединяющих высокотехнологичную добычу и переработку сырья в готовую наукоемкую продукцию конечного спроса, социально-экономическое развитие России объективно невозможно...» [20. С. 55–56]. Только в этих единых вертикально интегрированных и технологически смежных цепочках производства добавленной стоимости, по нашему глубокому убеждению, еще способен получить подобающее себе место (изготовление промышленной продукции промежуточного спроса) производственный сектор УИС. Именно это и будет в полной мере являться «трудовой и производственно-технической революцией в УИС».

Что же касается вопроса, вынесенного в заголовок настоящей статьи, то ответ на него неоднозначен. Сегодня это, безусловно, миф, а в перспективе, как хотелось бы на это надеяться, – настоятельная и насущная необходимость.

Литература

1. Семенов Ю. С. Репортер: [роман] / Юлиан Семенов. – М.: АСТ: Астрель: Олимп, 2008. – С. 158.
2. Чернышов И. Н. Эволюция принудительного труда: от истории к современности // ЭКО. – 2015. – № 3. – С. 177.
3. Бочарова С., Рустамова Ф., Солопов М. Счетная палата раскритиковала реформу колоний по образцу Швейцарии. URL: <http://top.rbc.ru/politics/22/01/2015/54c123b59a7947c9024f8f03>
4. Погудин О. А., Чернышов И. Н. Производственный потенциал уголовно-исполнительной системы России: на пути к возрождению или к стагнации? // Проблемы теории и практики управления. – 2014. – № 2. – С. 132–139.
5. Реформу ФСИН продолжают зекки. URL: <http://abos.ru/?p=82005>
6. Земцов Б. Зона путинской эпохи. – М.: Алгоритм, 2012. – С. 16.
7. Меркачева Е. Счетная палата проверила ФСИН: «трудотерапия» за решеткой не приносит результатов. Аудиторы обнаружили грубые нарушения в российских колониях. URL: <http://www.aferizm.ru/novost/2014/02/140202-2-trudoterapiya-zona.htm>
8. URL: <http://pravaya.ru/news/23243>
9. Кориунов О. Нужна глобальная перестройка // Преступление и наказание. – 2013. – № 6. – С. 3.
10. Маेतная Е., Петелин Г. За решеткой грядет революция. Зарплату осужденным поднимут, а нормы труда пересмотрят // Известия. – 2013. – 8 окт.
11. Погудин О. А., Чернышов И. Н. Об организации труда осужденных и возможностях применения к ним зачета рабочих дней // Человек и труд. – 2013. – № 10. – С. 36.
12. В колониях началась трудовая революция. URL: <http://pravaya.ru/news/23243>
13. Трудовая революция в тюрьмах. URL: <http://polit.pro/news/2013-10-08-18174>
14. Белова Т., Чернышов И. Размышления о подневольном труде в контексте использования труда осужденных // Экономист. – 2015. – № 1. – С. 62.
15. Генкин Б. М. Экономика и социология труда: Учебник для вузов. – 6-е изд., доп. – М.: Норма, 2006. С. 158–159.
16. Экономика труда: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. проф. Ю. П. Коккина, проф. П. Э. Шлендера. – М.: Магистр, 2008. – С. 239.
17. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народа (в кн.: Петти В., Смит А., Рикардо Д., Кейнс Дж., Фридмен М. Классика экономической мысли: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. – С. 132–133) .
18. Губанов С. Неоиндустриализация России и нищета ее саботажной критики // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 8.
19. Толкачев С. Промышленная политика и «мейнстрим»: причины несовместимости // Экономист. – 2014. – № 4. – С. 70–81.
20. Губанов С. Державный прорыв. Неоиндустриализация России и вертикальная интеграция. – М.: Книжный Мир, 2012. – С. 9.